

А. А. ФОРМОЗОВ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УРАЛА И КАЗАХСТАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ И ИХ СЕМАНТИКА

Древние наскальные изображения — важный исторический источник, дающий очень много для изучения первобытного мышления и культов. Так, работы по петроглифам Онежского озера и Белого моря дают ключ к изучению идеологии охотников и рыболовов Карелии в эпоху бронзы. К сожалению, наскальные изображения других районов, в частности многочисленные «писаницы» Сибири, Казахстана и Урала, редко привлекаются для изучения малоизвестных нам верований древних племен этой территории. Это происходит отчасти из-за трудности в датировке писаниц. Если в Карелии близ петроглифов нет других памятников, кроме стоянок II тысячелетия, до н. э., что и решает вопрос о возрасте изображений, то при насыщенности Сибири и Урала памятниками всех веков вопрос кажется неразрешимым. С. В. Киселев первый указал на возможность датировать минусинские писаницы путем анализа техники их нанесения¹. В восточной Сибири А. П. Окладников продолжил эту работу, выделив писаницы каменного, бронзового и железного веков. При этом выяснилось, что, в отличие от выбитых и нарезных рисунков эпохи железа, древнейшие — нанесены минеральными красками².

В настоящей статье описываются аналогичные наскальные изображения Урала и Казахстана, нанесенные красной краской. При этом мы пытаемся сначала решить, к какому времени они относятся, а далее показать, что они могут дать для изучения первобытного мышления.

Для датировки группы важным памятником является погребение, раскопанное С. Н. Бибиковым в Бурановской пещере на р. Юрюзани на Южном Урале. Череп костяка находился в ямке глубиной в 10 см, заполненной красной охрой. На стене пещеры такой же охрой нарисована схематическая фигура лося, а над ним, вероятно, гарпун³. На основании этого С. Н. Бибиков предположил одновременность погребения и рисунка. Погребение по обряду близко к погребениям могильников Восточной Европы — Оленеостровского и Караваевского — II тысячелетия до н. э. Так, следовательно, датируется и изображение лося, поражаемого гарпуном, к сожалению, не опубликованное.

Со с ним можно сопоставить изображения, нанесенные красной охрой на скалах по р. Тагилу близ деревни Новожиловой, на камне Балабан по правому берегу и на камнях Караульный, Соколий, Змеевой и Писаний — на левом, изданные в работе В. М. Флоринского «Первобытные славяне в памятниках их доисторической жизни»⁴. В том же районе имеются неизданные писаницы — Кислая гора и Звонкая гора⁵.

Изображения не связаны в композиции, но образуют отдельные группы; мы остановимся на важнейших рисунках.

Бурановского лося напоминает заключенная в двойной круг статичная фигура медведя, пораженного в спину копьем, изображенная на камне Балабан. Ниже нарисована выдра, к хвосту которой примыкает овал, возможно изображающий сидок (рис. 1, 1). Здесь, как и в Бурановской пещере, мы видим, следовательно, рисунки животных, ставших жертвой охотника, сходные с такими же изображениями на карельских петроглифах⁶. Кроме того, на Тагиле имеются рисунки медведя на камне

¹ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц, Труды секции археологии РАНИОН, вып. V, 1930.

² А. П. Окладников, Археологические исследования в Бурято-Монголии, «Вестник древней истории», 1948, № 3; История Якутии, т. I, Якутск, 1949.

³ С. Н. Бибиков, Пещерные палеолитические стоянки в бассейне р. Юрюзани, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IV, 1940, стр. 37—38.

⁴ «Известия Томского университета», кн. VII, 1894, табл. I—VI.

⁵ В. А. Весновский, Камни-писаницы в Приуралье и Зауралье, Материалы по изучению Камского Приуралья, вып. II, Пермь, 1930.

⁶ В. И. Раздольник, Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, «Советская археология», № 3, 1937, стр. 16.

Балабан (рис. 1, 3) и лисицы на Сокольном камне (рис. 1, 11), по трактовке (статичное профильное изображение) напоминающие рисунки карельских петроглифов. Близки к ним и схематические изображения людей (на камнях Балабан, Змеевой и Писаный) в виде линии, соединяющей вершины двух углов. Некоторые люди держат руки поднятыми вверх в «молитвенной позе», как на карельских петроглифах⁷ (рис. 1, 4).

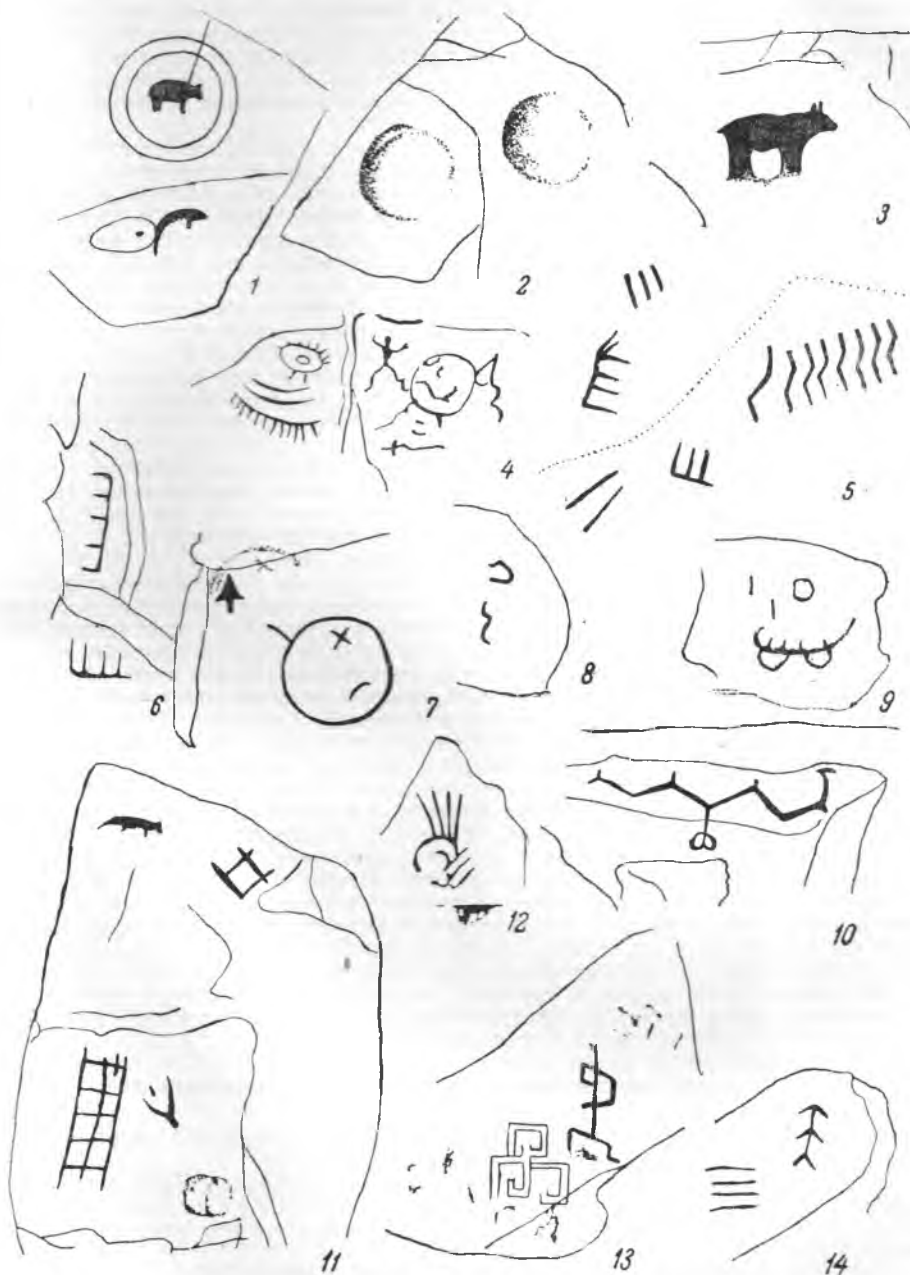

Рис. 1. Рисунки на писаницах на р. Тагил (по В. М. Флоринскому). 1—3 — Камень Балабан, 4—10 — Змеевой Камень, 11 — Соколий камень; 12—14 — Писаный камень

Но преобладают не реалистические, а геометрические изображения, иногда поддающиеся расшифровке. Это изображения солнца разных типов (рис. 1, 2, 4, 7, 12); круги, закрашенные охрой (Балабан), круг с восемью лучами, расходящимися во все

⁷ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера, Л. 1936, табл. 9, 10.

сторону. круг со вписанным крестом, полукружье с лучами и т. д. Интересны круги с лучами, направленными в одну сторону, близкие к солярным знакам петроглифов Карелии⁸: один круг с четырьмя лучами изображен на Писаном камне, другой, двойной, с восемью лучами, отходящими вверх, и двумя — вниз — на Змеевом. Нижняя сторона этого знака усилена добавлением трех изогнутых линий, от последней из которых вниз отходит еще ряд лучей. С нижней линией сходны гребневидные фигуры Змеевого и Писаного камней (рис. 1, 5, 6), но некоторые из них, вероятно, являются схематической трактовкой ладьи со многими пловцами — обычного сюжета карельских и скандинавских петроглифов. Особенно близка к ладьям гребневидная фигура Змеевого камня с изогнутым основанием и кружком над ней, изображающим, вероятно, солнце, которое мы видим над ладьями скандинавских и кавказских петроглифов⁹ (рис. 1, 9).

Другой сюжет писаниц Тагила — зигзаги. Они есть и на камне Балабан, но особенно часты на Змеевом. Название это показательно. Зигзаги, очевидно, еще недавно рассматривались как изображения змей. Как известно, змея часто в древнем искусстве схематизировалась в виде зигзага. Укажем на изданный А. Стейном черепок крашеной керамики из Сеистана, на котором мы видим извивающуюся змею и расположенные параллельно ей вертикальные зигзаги — упрощенные рисунки таких же змей¹⁰. Зигзагообразные змеевидные знаки известны и на петроглифах Карелии и на керамике бронзовой эпохи степей Причерноморья, Сибири и Казахстана. Ряд плохо сохранившихся волнистых изображений Змеевого камня трактуется змеей еще реалистичнее (рис. 1, 8). Особо важно изображение ползущей змеи, у которой от каждого изгиба ее тела отходит вверх какой-то отросток, а хвост как бы раздвоен (рис. 1, 10). Сходные до тождества изображения змей имеются на наскальных изображениях бронзового века в Иеррештаде в Скандинавии¹¹. Интересно, что от тела змеи вниз отходит линия с как бы подвешенным овальным знаком, возможно — солярным.

Помимо поддающихся расшифровке знаков, на Тагиле много линейных начертаний. Два ряда коротких линий на камне Балабан, вероятно, счетные знаки. Из других интересен знак в виде решетки на Сокольном камне (рис. 1, 11), известный в ряде петроглифов (ближайшие к Тагилу — Кара-тюбе в Хорезме отнесены С. П. Толстовым к андроновской культуре эпохи бронзы¹². Смысл знака неясен. А. П. Окладников видит в нем охотничью загородь¹³, что подтверждается этнографически (эвенкийский рисунок магических загородей)¹⁴ и археологически (палеолитические изображения). Но в ряде случаев знак решетки является пиктограммой и связан скорее всего с псгребальным культом. Об этом говорят «решетки» на холме Кара-тюбе, служившем «местом погребальной культа». Вероятно «решетка» — дериват знака «шахматной доски», который, по С. Н. Замятину, символизирует «книжное небо» — присподнюю на керамике Суз, Анау, на росписи склепа в Неаполисе Скифском. На керамике Суз известен только этот знак, в Анау — и «решетка», вероятно, в более северных районах заменяющая «шахматную доску». Вопрос о значении «решетки» надо решать, исходя из конкретного материала. Связь «решетки» на Сокольном камне с изображением лисы говорит за то, что это охотничья загородь, а в целом магическое изображение, обеспечивающее удачную охоту. Очень интересны меандридные знаки Писаного камня (рис. 1, 13), близкие к орнаментам андроновской керамики, проникшим и на Урал (керамика тагильского Горбуновского торфяника). Важны и изображения на Змеевом и Писаном камнях треугольных наконечников стрел с массивным черешком (но не со втулкой, ибо видно сужение к концу), скорее всего каменных наконечников II — начала I тысячелетия до н. э., типа, распространенного в срубных, андроновских и абашевских памятниках¹⁵. Несколько таких стрел найдено и в Горбуновском торфянике.

Эти рисунки, так же как и аналогии, подчас очень точные, с наскальными изображениями эпохи бронзы и с андроновской орнаментикой, позволяют датировать писаницы Тагила II — началом I тысячелетия до н. э.

Тагильским изображениям аналогичен камень Писанец у села Писанец на р. Ирбят¹⁶. Красной краской на нем нанесены ряды коротких «счетных» линий, как на

⁸ В. И. Равдоникас, Элементы космических представлений в образах наскальных изображений, «Советская археология», № 4, 1937.

⁹ С. А. Althin, Studien zu den bronzzeitlichen Felszeichnungen von Skane, Stockholm, 1945; Н. К. Верещагин и Н. О. Бурчак-Абрамович, Рисунки на скалах юговосточного Кабристана, «Известия Всесоюзного географ. об-ва», 1948, № 5, рис. 5.

¹⁰ A. Stein, Innermost Asia, vol. III, Pl. CXIV, Oxford, 1928.

¹¹ С. А. Althin, Указ. соч., т. II, 1945, табл. 53.

¹² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 72—74.

¹³ А. П. Окладников, История Якутии, стр. 98—99.

¹⁴ А. Ф. Анисимов, Представление эвенков о шингэнах, «Сб. МАЭ», т. XII, 1949.

¹⁵ См., например, О. А. Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Исторического музея, т. XVII, 1948, рис. 45; В. Ф. Смолин, Абашевский могильник, Челябинск, 1928, рис. 24.

¹⁶ И. П. Бурдычев, Камень-писанец. Записки Уральского общества любителей естествознания, т. III, № 2, 1875, стр. 120—121.

Балабана, елсчки, зигзаги, кресты и т. д. Часть поверхности камня целиком закрашена, что наблюдалось на Змеевом камне. Под писаницей в скале находится пещера, где при раскопках найдены бронзовый наконечник копья и каменный пест, повидимому, эпохи бронзы. Н. А. Прокошев отмечает обычность сочетания писаниц и пещер на Урале, приводя еще пример Алапаевской пещеры с предананьинским материалом, находящейся близ разрушившейся писаницы¹⁷.

Рис. 2. Писаница на р. Вендере в Верхнекамском округе (по А. А. Берсу)

Еще В. М. Флоринский упомянул писаницы на р. Вендере в Верхне-Камском округе. Рисунок их издан А. А. Берсом¹⁸. Интересно изображение ладьи с соляренным

Рис. 3. Писаница в гроте на оз. Дасыбай у Баян-аула (по П. Л. Драверту)

знаком над ней, близкое к петроглифам Скандинавии, что дает право видеть подобную ладью на Тагильской писанице. Есть солярные знаки — двойной круг с четырьмя лучами, направленными в одну сторону, и т. д. Рисунки животных: профильные, сходные с тагильскими и карельскими, изображают северного оленя, лису и плывущего лебедя, чрезвычайно похожего на карельские изображения¹⁹. Напоминают их

¹⁷ Н. А. Прокошев, Пещерные стоянки (Рукопись, Архив Ленинградского отделения ИИМК, ф. 43, № 6).

¹⁸ А. А. Берс, Прошлое Урала, М., 1930, рис. 11.

¹⁹ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Белого моря, Л., 1938, табл. 9, 23, 25.

и схематические фигуры людей с поднятыми руками. Очень интересно аналогичное Пери-носу в Карелии изображение трех точек, расположенных углом под фигурой человека²⁰. Но, помимо близких к Карелии изображений, на Венлере есть и пиктограммы (кресты, треугольник с точками внутри) и ряды «счетных» линий (рис. 2).

Кроме этих, имеется ряд неопубликованных изображений, нанесенных красной краской на скалах по рр. Вишере, Туре, Реже, Нейве, Ивдели. Составивший их список В. А. Весновский упоминает рисунки медведя, лисы, оленя (т. е. зверей, изображенных на Тагиле и Венлере) и ряды «резких линий»²¹. В Башкирии в пещере у с. Идрисова на р. Юрезани известна еще одна группа нанесенных красной краской схематических, «напоминающих человеческие фигуры линейных изображений»²². Имеются сведения о писаницах с изображением зверей в пещерах Башкирии. Сведения обо всех этих писаницах не противоречат нашей датировке относящихся к той же группе тагильских изображений. Напротив, еще более точные аналогии с Каре-

Рис. 4. Писаница на р. Смолянке близ Усть-Каменогорска (по Г. И. Спасскому)

лий, увязка с пещерами, имеющими культурные слои эпохи бронзы, подтверждают наш вывод.

Переходим на территорию Казахстана. В Павлодарском районе в 7 км к северо-западу от Баян-аула на оз. Дасыбай П. Л. Драверт обнаружил на стене небольшого грота 15 фигур, нанесенных красной охрой²³. На берегу озера расположена эпохенитическая стоянка, давшая, наряду с каменным инвентарем (нуклеусы, пластины, стрелы, скребки), шлаки и обломки медных вещей. В самом гроте найден отщеп кварцита, из которого сделан и ряд орудий стоянки. О писанице, поврежденной выветриванием, сказать можно мало. Резкими прямыми линиями, быть может, как на Идрисовской писанице, начертаны фигуры людей, частью несомненно мужчин. У двух человек руки подняты вверх, как на карельских и уральских изображениях. Голова одной фигуры передана в виде угла, вершиной вверх, как и у одной из фигур камня Писаного на Тагиле (табл. I, 14). Головы двух других имеют рожки, как у антропоморфных изображений на писанице у с. Свироского на Ангаре (датируемой А. П. Окладниковым эпохой бронзы)²⁴ и на ряде карельских петроглифов²⁵. С Севером связывает писаницу знак типа Пери-носа: угол из трех точек под одной из фигур. Имеется пиктограмма — кресты, как на Венлере и Ирбите (рис. 3).

Еще в 1818 г. Г. И. Спасский опубликовал рисунок писаницы на утесе над р. Смолянкой в 1 версте от владения ее в Иртыш и в 4½ верстах от Усть-Каменогорска²⁶. Знаки нанесены красной краской. Несмотря на схематизм копии, увеличи-

²⁰ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, М., 1940, рис. 20.

²¹ В. А. Весновский, Указ. раб., стр. 13—17.

²² Б. А. Койшевский, Итоги археологического изучения Башкирской АССР. «Историко-археологический сборник», М., 1948, стр. 165.

²³ П. Л. Драверт, Грот с писаницей на оз. Дасыбай «Известия Зап.-Сиб. отд. Географического общества», т. VII, 1930, стр. 231—234.

²⁴ А. П. Окладников, Писаницы около поселка Свироского, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XIV, М., 1947, стр. 23.

²⁵ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера, табл. 13, 16.

²⁶ Г. И. Спасский, Сибирские древности, «Сибирский вестник», ч. I, СПб., 1918, стр. 81, табл. IV

вающей схематизм писаницы, мы видим здесь знакомые элементы: решетки, ряды «счетных» линий, фигурки людей в виде черты, соединяющей вершины двух или трех углов (если углов три, то голова изображена в виде стрелки, как в Дасыбае и на Писаном камне). Фигура внизу справа напоминает Дасыбайские рогатые, поднявшие руки фигуры. Характерен солярный знак — круг со вписанным крестом, очень пространенный в эпоху бронзы²⁷. Особенно интересно изображение ладьи с солярным знаком (круг с крестом) над ней, находящееся аналогии в других наскальных рисунках бронзового века. На таблице Спасского ладья изображена в перевернутом виде (солярный знак — внизу, дно — наверху). Возможно, что так она и выглядела от реки, но изображение могло быть нанесено на скалу не с берега реки, а сверху, с более высоких участков скалы и потому должно быть ориентировано иначе. Опубликованный рисунок вторично Жак де Морган перевернул его из-за ладьи на 180°²⁸, но тогда человеческие фигуры, поставленные на голову, стали совершенно неясны. На таблице Спасского мы видим три группы изображений: две с человеческими фигурами и одну с ладьей, причем группы отделены друг от друга трещинами скалы. Вероятно, группы с рисунками людей были нанесены на скалу снизу, а группа с ладьей — сверху. Поэтому мы ориентируем таблицу, как у Спасского, указывая на то, что при рассмотрении ладьи надо повернуть таблицу иначе (рис. 4).

Мы не разбираем енисейских писаниц, изданных И. Т. Савенковым²⁹, исследование которых затруднено наслоениями изображений позднейшего времени. Но и здесь среди нанесенных красной краской изображений имеются солярные знаки — круги с вписанными крестами, полукружья и круги с лучами (Биджа, Колба, Тесь), рисунки ладей (Тесь, Колба) и т. д. Енисейские писаницы связуют уральские и казахстанские с восточносибирскими, где А. П. Окладников отмечает рисунки людей с поднятыми руками и иногда с рожками, пиктограммы — кресты, поля с точечным заполнением и т. д.

Подводя итог, мы можем сказать, что известные нам писаницы Урала и Казахстана, нанесенные красной краской, следует датировать эпохой бронзы. Аналогии, точные настолько, что это не может быть случайностью, с наскальными изображениями эпохи бронзы Скандинавии, Карелии, Хорезма; сопоставление со связанными с писаницами памятниками (Бурановская пещера, Писанец на Ирбите, Дасыбай, Алапево); близость некоторых знаков писаниц к андроновским орнаментам (меандр, зигзаг); изображения треугольных черешковых стрел и т. п. убеждают в правильности этой датировки. Упомянутые писаницы резко отличаются от выбитых и нарезных изображений эпохи железа в Сибири и Казахстане с их неизменными скачущими горными козлами и баранами. То, что писаницы нанесены красной охрой, понятно. Мы знаем ее роль в неолите и бронзовом веке. Вспомним повсеместное посыпание погребений охрой, окрашенную красной краской доску из архангельской стоянки Кузнечихи и т. д.

Какие же выводы можно сделать при анализе описанных наскальных изображений? Прежде всего, — о широте культурных связей в эпоху бронзы, подтверждаемой чрезвычайной близостью некоторых изображений Урала и Казахстана к карельским, скандинавским и среднеазиатским. Можно говорить, что Урал поддерживал интенсивные связи с Северо-Востоком Европы, что хорошо сопоставляется с анализом керамики и орудий стоянок Севера³⁰, и с находками на Урале скандинавских «меларских кельтов». При этих сношениях установилась некоторая общность в культуре Урала и Севера Восточной Европы, проявившаяся как в сходстве наскальных изображений, так и в сходстве ритуальных сосудов с изображениями водоплавающих птиц, найденных на стоянках обоих районов³¹. С другой стороны, на Урал влиял степной Юг — андроновская культура, давшая меандровые узоры³² и т. д. Основную часть уральских писаниц следует, по видимому, относить к шигирской культуре, влияние на которую андроновской хорошо известно по материалам Горбуновского торфяника³³. Зафиксированы в Горбунове и сосуды с изображениями птиц, сходные с сосудами стоянок Севера Восточной Европы.

Если уральские писаницы особенно близки к карельским петроглифам и по стилю изображений животных и по сходству солярных знаков, то казахстанские писаницы имеют мало северных черт и своим схематизмом и обилием пиктограмм напоминают среднеазиатские. Усть-каменогорская писаница, вероятно, относится к андроновской культуре, дасыбайская — более ранняя, энеолитическая.

²⁷ А. А. Миллер, Элементы неба на вещественных памятниках, «Известия ГАИМК», вып. 100, 1933.

²⁸ Ж. де Морган, Доисторическое человечество, 1926, стр. 259, рис. 168.

²⁹ И. Т. Савенков, О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, Труды XIV археологического съезда, т. I, 1910, табл. III, IX.

³⁰ М. Е. Фосс, Культурные связи Севера Восточной Европы во II тысячелетии, до н. э., «Советская этнография», 1948, № 4.

³¹ П. П. Ефименко, К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-камыя, «Археология», ч. II, Киев, 1948.

³² В. Н. Чернецов, Орнамент ленточного типа у обских угров, «Советская этнография», 1948, № I, стр. 151.

³³ Д. Н. Эдинг, Резня скульптура Урала, М., 1940.

При интенсивных культурных сношениях на большой территории установилась общность в представлении о движении солнца, солнечного божества, по небу на ладье³⁴, в связи с чем сходные изображения ладей распространены у нас в бронзовом веке от Карелки до Енисея. Солярные ладьи играли роль и в погребальном культе, что связано с представлением о подземной реке, по которой надо плыть в царство мертвых. Распространение этого поверья на Урале отмечает находка в Луговском могильнике ананьинской культуры следов погребений в лодках-однодеревках, что и сейчас практикуется у хантов и манси³⁵. Общим и для охотников, и рыболовов лесов Урала и Карелии, и скотоводов, и земледельцев степей явился солярный культ, имевший на юге земледельческий характер, а на севере связанный с празднествами при прилете водоплавающей птицы.

В остальных элементах наскальных изображений мы видим различия охотничьего Урала и земледельческой степи. На Урале существует охотничья магия, в связи с которой стоят изображения пораженных зверей, унаследованные еще от палеолита. Очень интересен змеиный культ, отмеченный на Урале. О существовании его говорит и находка в Горбуновском торфянике деревянного изображения змеи в виде зигзага с треугольной головой. В более поздних памятниках Урала изображения змей также нередки, например, среди литых фигурок Гляденовского костища. Культ змей связан с солнечным культом. Это подтверждает изображение змеи на Змеевом камне Тагила с солярным знаком под ней. Нередко также почитание змей как хранителей вод, характерное для рыболовов и охотников. Наконец, связь писаниц с пещерами на Урале не случайна. Н. А. Прокошев показал культовый характер ряда пещер Урала. В пещеры, например, периодически стреляли из лука, вероятно, во время каких-то охотничьих празднеств³⁶. Поэтому близ ряда пещер и появились наскальные изображения, также связанные с культом охотников.

Иное мы видим на казахстанских писаницах. Здесь нет изображений зверей, много символических знаков и пиктограмм, а фигурки людей совсем схематизированы. В степной полосе охотничья магия давно отмерла и тут господствовали земледельческие культы с характерной символикой изображений. Характерно, что солярные знаки наскальных изображений Урала реальнее (круги, круги с лучами), чем солярные знаки усть-каменогорской писаницы, где солнце изображает знак в виде круга с вписанным крестом, известной в андроновской орнаментике (бляхи Алексеевского могильника). Большой интерес представляют антропоморфные изображения с рогами или с голсовой в виде стрелки, имеющие ряд сибирских аналогий. Рогатые фигуры карельских петроглифов В. И. Равдоникас связывает, как известно, с образами полулюдей-полуживотных — тотемических предков-родоначальников³⁷. Весьма вероятно, что так следует толковать и наши изображения, с которыми связаны знаки «решеток», здесь скорее всего отражающие близость родоначальников «к нижнему небу». Выводы о семантике писаниц, конечно, будут шире и полноценнее после снятия точных копий с наскальных изображений.

³⁴ В. И. Равдоникас, Элементы космических представлений в образах наскальных изображений.

³⁵ П. П. Ефименко, Указ. раб., стр. 42.

³⁶ Н. А. Прокошев, Пещерные стоянки; его же, Район реки Чусовой, «Известия ГИИМК», вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 185.

³⁷ В. И. Равдоникас, Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, стр. 24.